## ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

УДК 343.74

DOI: 10.17223/22253513/28/3

### Л.В. Ведерникова

# ПРИСВОЕНИЕ ВВЕРЕННОГО ИМУЩЕСТВА ПО СОВЕТСКОМУ УГОЛОВНОМУ УЛОЖЕНИЮ 1918 г.

Изучение истории законодательства, предусматривающего уголовную ответственность за присвоение или растрату вверенного имущества, показало, что в официальной историографии уголовного права создалось не совсем верное представление о перечне источников уголовного права XX в. В связи с чем возникла необходимость уточнения этого вопроса.

Ключевые слова: преемственность права, должностное присвоение имущества.

Принято считать, что первыми источниками уголовного законодательства в советском государстве стали декреты и постановления СНК РСФСР. Однако исследователи российского уголовного законодательства зачастую обходят стороной тот факт, что в начале 1918 г. Наркомюстом РФ был принят «Свод законов русской революции. Часть пятая. Уголовное уложение» [1. С. 5] (далее по тексту – Уложение 1918 г.).

Таким образом, в официальной историографии уголовного права создалось не совсем верное представление о перечне источников уголовного права того периода. До сих пор остается неизвестным обстоятельство, вступило ли Уложение 1918 г. в юридическую силу или нет, но на практике оно не применялось. Советские юристы и политики негативно высказывались относительно этого законодательного акта. Так, М.М. Исаев, пытаясь принизить статус документа, именуя его «Инструкцией местным и окружным народным судам о применении уголовных законов», отмечал, что работа является «мертворожденной» [2. С. 82]; Д.И. Курский в своих трудах назвал это попыткой «сочетать противоестественным браком пролетарскую демократию с буржуазной демократией» [3. С. 57–58]. Нарком юстиции РСФСР, соавтор Декрета о суде № 1, П.И. Стучка отмечал, что «пролетарская революция обязывает к творчеству», потому считал напрасным занятием из «обожженных листочков» старых законов «кроить» уложения русской революции вместо того, «чтобы творить действительно новые революционные законы» [4. С. 243].

Вероятно, такая оценка была дана потому, что основной состав Наркомюста занимали левые эсеры, а само Уложение 1918 г. было разработано на основе Уголовного уложения 1903 г. и призвано обеспечить преемственность в праве, что большевиками не могло не быть воспринято критически. К таким выводам приходят современные исследователи. Так, А.И. Чучаев отмечает, что «вопреки некоторым утверждениям правовой документ не утрачивает своего значения, даже если он остался "в статусе" проекта. Исключение из числа исторических источников Советского уголовного уложения из-за того, что оно не применялось на практике, приводит к искаженным представлениям по ряду наиболее принципиальных вопросов уголовной политики государства и уголовного права как отражение данной политики» [1. C. 6].

Несмотря на то что в основу Уложения 1918 г. была положена идея преемственности права, в частности Уголовного уложения 1903 г., нормы об ответственности за присвоение имущества претерпели в нем ряд изменений.

Уложение 1918 г. содержало раздел 5 «Преступления против имущественных прав», состоящий из семи глав. Глава 23 уложения именовалась «О необъявлении о находке, присвоении чужого имущества и злоупотреблении доверием» аналогично тому, как и в Уголовном уложении 1903 г. Заметим, что составы воровства, разбоя, вымогательства (гл. 24) и мошенничества (гл. 25) были по-прежнему отделены от понятия присвоения, а само по себе воровство определялось (ст. 260) как тайное или открытое похищение чужого движимого имущества, совершенное с целью его присвоения. Такая структура закона свидетельствовала о том, что присвоение имущества необходимо было понимать как преступление отличное от понятия похищения, имеющее самостоятельные признаки. А вот легального определения понятия присвоения Уложение 1918 г., в отличие от Уголовного уложения 1903 г., не содержало, не раскрывало оно и признаки «удержание вещи», «растрата». Статья 256 была сформулирована следующим образом: «...виновный в присвоении вверенного ему чужого движимого имущества наказывается...». Примечательно, что ответственность (в виде тройной суммы присвоенного) наступала и в случае совершения такого деяния «по легкомыслию».

В Уложении 1918 г. законодатель впервые в обобщенном виде сформулировал отдельно признаки «должностного присвоения», т.е. присвоения, совершенного лицом, использующим служебные полномочия в отношении вверенного имущества. При этом законодателю удалось сконструировать этот состав в одной статье нормативного акта, не прибегая к перечислению частных случаев совершения такого преступления, как это происходило в ранее принятых источниках права. Статья 257 Уложения гласила: «...обязанный по доверенности или иному законному полномочию, или по роду занятий или службы иметь попечение о чужом имуществе, виновный в присвоении вверенного ему имущества наказывается...». Обращает на себя внимание также и то, что в отличие от определения «простого» присвоения, данного в ст. 256, в ст. 257 специально не оговаривается предмет преступления. То есть законодатель, по-видимому, признавал, что при совершении «должностного присвоения» им могло быть как движимое, так и недвижимое имущество.

Исключением из этого правила явилось упоминание отдельно о присвоении опекуном «чужого движимого имущества, состоящего в его опекунском заведывании». Следует отметить, что вызывает определенные сомнения необходимость формулирования этого запрета в отдельной статье Уложения (ст. 258). Более того, эта статья была посвящена ответственности не за присвоение, а за злоупотребление служебными полномочиями и его частному случаю — «злоупотребление учиненное опекуном во вред опекаемому». Возможно, причина такого законодательного решения кроется в стремлении оттенить особую опасность такого преступного посягательства, поскольку санкция за подобного рода деяние содержала наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет (ответственность за «должностное присвоение» — не свыше пяти месяцев).

Уложение 1918 г. устанавливало также и запрет на присвоение «найденного клада», а также «найденного или забытого чужого имущества или пригульного скота, хозяин коих во время учинения присвоения был виновному известен» (ст. 255). Принципиальным отличием от ранее действовавшего уголовного закона явилось то, что «удержание, с целью обращения в свою собственность, или умышленная растрата найденного или забытого неизвестно кому принадлежащего имущества, неизвестно кому принадлежащего пригульного скота» (ст. 254) больше присвоением не именовалось. Таким образом, присвоением назывались лишь противоправные действия в отношении клада, забытых вещей, пригульного скота, известно кому принадлежащих. По-видимому, законодатель в Уложении 1918 г., в отличие от Уголовного уложения 1903 г., стремился показать, что термин «присвоение» можно употреблять лишь в случае невозвращения вещей, хозяин которых известен виновному, а также клада. Это, несомненно, сближало состав присвоения с похищением имущества, поскольку становилось понятно, что должен быть конкретный потерпевший от такого преступления. Что же касается невозвращения неизвестно кому принадлежащих вещей, то здесь законодатель допускает термины «удержание», «растрата», но исключает при этом термин «присвоение», что указывает и на то, что данные термины стали признаваться законодателем как неравнозначные. Само же по себе невозвращение найденного, связанное с «удержанием» или «растратой», законодатель, как представляется, рассматривает как частный, пусть и более опасный, случай «необъявления о находке» (ст. 253), не имеющий какого-либо отношения к собственно «присвоению вверенного имущества».

Таким образом, Уложение 1918 г. впервые в обобщенном виде сформулировало признаки присвоения вверенного имущества, совершенного лицом с использованием своего служебного положения, «вывело» из понятия «присвоение» противоправные действия в отношении неизвестно кому принадлежащих вещей, равно как и термины «удержание», «растрата» и приблизило его к понятию «похищение». Но, как было сказано выше, этот законодательный акт не был воспринят новой государственной властью; уголовное законодательство 1918—1922 гг. было представлено отдельными декретами, постановлениями, положениями, посвященными относительно-частным вопросам, требующим уголовно-правового регулиро-

вания. Уголовный кодекс 1922 г. также оставил без внимания те подходы к определению признаков присвоения вверенного имущества, которые были изложены в Уложении 1918 г. Первый советский Уголовный кодекс широко их определил, использовав в описании объективной стороны преступления термины «растрата», «удержание вещи». Признаки «должностного присвоения», напротив, ограничил предметом преступления – деньги или иные ценности. Таким образом, идеи политически неугодного Уложения 1918 г. не были реализованы в законодательной практике 20-х гг.

### Литература

- 1. Советское уголовное уложение (научный комментарий, текст, сравнительные таблицы) / Ю.В. Грачева, С.В. Маликов, А.И. Чучаев; под ред. А.И. Чучаева. М.: Проспект, 2015. 303 с.
  - 2. Общая часть Уголовного права РСФСР. Л.: Тоспориздат, 1925. 207 с.
- 3. Курский Д.И. Избранные статьи и речи. М.: Юрид. изд-во Министерства Юстиции СССР, 1948. 200 с.
- 4. Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига: Латв. гос. изд-во. 1964. 748 с.

Vedernikova Lyudmila V., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation) Appropriation entrusted property according to the Soviet Criminal Code of 1918 Keywords: continuity of right, official appropriation of property.

DOI: 10.17223/22253513/28/3

The study of history of legislation providing for criminal liability for appropriation or embezzlement of entrusted property shows that there is no true picture of the list of criminal law sources of the XX century in the official historiography of criminal law. Thus, it is necessary to clarify this question. Decrees and resolutions of the Council of People's Commissars of RSFSR are considered the first sources of criminal legislation in the Soviet state. However, the researchers of Russian criminal legislation often shun the fact that at the beginning of 1918 the People's Commissariat of Justice adopted "The corpus of laws of the Russian revolution. Part five. Criminal Code". "It is still unknown whether the Code of 1918 came into legal force, but it was not put into practice. Soviet lawyers and politicians spoke about that legislative act negatively. Probably, such an assessment was given because left Socialists- Revolutionaries composed the membership of the People's Commissariat of Justice, and the Code of 1918 was developed on the basis of the Criminal Code of 1903 and was meant to provide continuity in law and the Bolsheviks could not do otherwise but apprehended it critically. However, despite the fact that the Criminal Code of 1918 (and Criminal Code of 1903 in particular) was based on the idea of continuity of law, the norms on responsibility for appropriation of property underwent a number of changes. For the first time the Code formulated general characteristics of appropriation of entrusted property made by the person using his official position, "brought" out of the concept "appropriation" illegal actions in the relation to unknown belongings, as well as the terms "deduction", "embezzlement" and brought it closer to the concept "stealing".

Nevertheless, that legislative act was not appreciated by a new government; the criminal legislation of 1918-1922 was submitted by separate decrees, resolutions and provisions devoted to the relative and private questions demanding criminal and legal regulation. The Criminal Code of 1922 also disregarded those approaches to definition of signs of appropriation of entrusted property that were stated in the Code of 1918. The first Soviet Criminal Code widely defined them, having used the terms "embezzlement", "retention of a thing" in the description of the objective aspect of crime. On the contrary, the characteristics of an "official appropriation" were limited by a crime subject - money or other values. Thus, the ideas of politically objectionable Code of 1918 were not realized in legislative practice of 1920s-era.

#### References

- 1. Chuchayev, A.I. (ed.) (2015) Sovetskoye ugolovnoye ulozheniye (nauchnyy kommentariy, tekst, sravnitel'nyye tablitsy) [Soviet criminal code (commentary, text, comparative tables)]. Moscow: Prospekt.
- 2. Isaev, M.M. (ed.) (1925) Obshchaya chast' Ugolovnogo prava RSFSR [General Part of the Criminal Law of the RSFSR]. Leningrad: Tosporizdat.
- 3. Kurskiy, D.I. (1948) *Izbrannyye stat'i i rechi* [Selected articles and speeches]. Moscow: Ministry of Justice of the USSR.
- 4. Stuchka, P. (1964) *Izbrannyye proizvedeniya po marksistsko-leninskoy teorii prava* [Selected works on the Marxist-Leninist theory of law]. Riga: Latviyskoe gosudarstvennoe izdatelstvo.